

11. Geertz K. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*, New York, Basic Books Publ., 2006.
12. Gomez F. *Good Places and Non-Places in Colonial Mexico: the Figure of Vasco De Quiroga (1470–1565)*, Lanham, University Press of America Publ. House, 2001.
13. Greenblatt S. *Renaissance Self-fashioning. From More to Shakespeare*, Chicago, University of Chicago Press Publ. House, 1980.
14. Jensen J. Sexuality on a Northern Frontier: the Gendering and Disciplining of Rural Wisconsin Women, 1850–1920. *Agricultural History*, 1999, vol. 73, no. 2.
15. Limerick P. N. The Adventures of the Frontier in the Twentieth Century. *The Frontier in American Culture*, London, University of California Press Publ. House, 1994.
16. Merchant C. *Reinventing Eden: The Fate of Nature in Western Culture: The Fate of Nature in Western Culture*, New York, Routledge Publ., 2003.
17. Moore A. K. *The Frontier Mind. A Cultural Analyses of the Kentucky Frontiersman*, Lexington, University of Kentucky Press Publ. House, 1957.
18. Myres S. L. *Westering Women and the Frontier Experience, 1800–1915: Histories of the American Frontier*, Albuquerque, University of New Mexico Press Publ. House, 1986.
19. Newman A. *Safavid Iran. Rebirth of a Persian Empire*, London, I. B. Tauris Publ., 2006.
20. Owsen D. *Promise of Eden: The Canadian Expansionist Movement and the Idea of the West 1856–1900*, Toronto, University of Toronto Press Publ. House, 1992.
21. Passet J. E. *Sex Radicals and the Quest for Women Equality*, Chicago, University of Illinois Press Publ. House, 2003.
22. Peavy L., Smith U. *Pioneer Women: The Lives of Women on the Frontier*, Norman, Oklahoma, University of Oklahoma Press Publ. House, 1996.
23. Slotkin R. *Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600–1860*, Middletown, Wesleyan University Press Publ. House, 1973.
24. Slotkin R. *The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890*, New York, Harper Perennial Publ., 1985.
25. Slotkin R. *Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America*, New York, Atheneum Publ., 1992.
26. Smith N. H. *Virgin land: The American West as Symbol and Myth*, Cambridge, Harvard University Press Publ. House, 1950.
27. Spurlock J. C. *Free Love: Marriage and Middle Class Radicalism in America, 1825–1860*, New York, University of New York Press Publ. House, 1988.
28. Verástique B. *Michoacán and Eden: Vasco de Quiroga and the Evangelization of Western Mexico*, Austin, University of Texas Press Publ. House, 2000.

ОБРАЗ КАЗАХА КАК ЧУЖОГО НА НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Ермуханова Нагима Аблехатовна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: monadragona@mail.ru

Статья посвящена формированию образа казаха на Нижневолжском фронтире. Авторы статьи показывают трансформацию взглядов русского населения на казахов в течении XIX – начала XX вв. через призму понятий Чужой/Другой. Для анализа положения Чужого на фронтире авторами используются индикаторы, предложенные О.С. Якушковой: локус, темпоральность,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

экономика и *modus vivendi*. Все четыре индикатора рассмотрены в динамике. В результате авторы статьи приходят к выводу, что трансформация происходит от образа Чужого как агрессивного дикаря к образу Другого, более контактного соседа, принимающего предложенные правила Игры.

Ключевые слова: Чужой, Другой, нижневолжский фронтир, казахи, Букеевская Орда

IMAGE OF KAZAKHS AS STRANGER ON THE LOWER VOLGA FRONTIER

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Yermukhanova Nagima A., post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: monadragona@mail.ru

The article is devoted to the formation of image of Kazakh on the Lower Volga frontier. The authors show the transformation of the views of the Russian population at the Kazakhs during the XIX – early XX centuries, through the prism of concepts Stranger/Other. For the analysis of the position of Alien on the frontier authors used the indicators, proposed by Yakushenkova O.S.: locus, temporality, the economy and *modus vivendi*. All four indicators considered in the dynamics. As a result, the authors conclude that the transformation takes place by way of the Stranger as aggressive savage to the image of Other, a contact neighbor, who accepted the offer rules.

Keywords: Stranger, Other, Lower Volga frontier, Kazakhs, Bukey Horde

Слово «фронтир», в первую очередь, означает границу между двумя странами. Но о феномене «фронтира» одним из первых написал американский ученый Фредерик Тернер. В 1893 г. ученый выступил с докладом «Значение Фронтира в американской истории» на встрече Американской Исторической Ассоциации. Историк воспринимал фронтир как линию между английскими – французскими – американскими поселениями и слабозаселенной территорией. Одним словом, фронтир – это предел цивилизации, где она встречается с дикостью. Однако со временем отойдя от цивилизационного подхода, предложенного Тернером и его последователями, появились новые научные направления, которые позволили по-новому взглянуть на теорию фронтира. В рамках постколониальной теории зародилось новое видение фронтира как встречи с Другим/Чужим. Фронтир начинают рассматривать как процесс культурного взаимодействия субъектов этого процесса.

В XIX в. в Нижнем Поволжье происходит процесс культурного взаимодействия пришлых казахов и проживающих в этом регионе этносов. Если мы попытаемся проанализировать казаха как Другого / Чужого в нижневолжском фронтуре, мы воспользуемся предложенными Якушenkовой О.С. комплексом характеристик Чужого на фронтуре: локус, темпоральность, экономика и *modus vivendi* [16, с. 37–38].

Локус фронтира позволяет отличить его от других явлений. Культурный диалог между разными этносами складывался сложно и противоречиво на нижневолжском фронтуре. Происходили столкновения самых разнообразных культурных ценностей, стереотипов, хозяйственных укладов и т.д. Но важно понимать, что пространство фронтира объединяло, создало контакты.

Это подтверждает и пресса тех времен. В 1852 году А. Леопольдов писал в Самарских губернских ведомостях: «Войдя в близкие сношения с русскими, киргизы¹ многое изменили в своем кочевом быту и завели на манер русский» [13, с. 65]. Изменения он видит прежде всего в торговых отношениях. «Киргизы приезжают в пограничные селения на ярмарки, базары и запросто пригоняя для продажи лошадей, коров, баранов, привозят овчины, шкуры, сало, шерсть верблюжью, лис, хорьков, сурков и другие свои изделия. Русские гурт промышленники, с открытием каждой весны, спокойно ездят в Орду со значительными капиталами, покупают там скот, пользуются кредитом часто на одно слово или делают законные сделки по делам торговым. В особенности учреждение ярмарки в Рын-песках сблизило русских с киргизами и содействовало к развитию торговли, год от года увеличивающийся» [13, с. 65]. Как мы видим из ниже приведенного текста, на нижневолжском фронтире через торговые отношения складывался межэтнический диалог между русским и казахским населением.

Хотя, изучая архивные данные, в самом начале мы можем увидеть противоположную ситуацию. Дело об отправке двух полков для усмирения киргиз 20 марта 1799 года [2], Дело по обвинению киргиз в казнокрадстве [8], Дело об отобрании 14 лошадей, угнанных киргизами у крестьян с. Никольское [9], Дело о краже скота киргизами у купца Кузнецова [3], Дело военного губернатора г. Астрахани Цицианова об ограблении трех аулов киргизами [4], дело купца Кулина о причиненных ему побоях киргизами и похищении у него скота [5], Предписание министра ВД графа Кочубея о мешанине Каратневе, захваченного в плен киргизами [6] – это неполный список дел, связанных непосредственно с казахами в начале XIX в. Любой фронтир предполагает три стадии: столкновение разных культур, варварство – цивилизация; проникновение разных культур и взаимное обогащение; мирное сосуществование. Столкновение – взаимодействие – мир. В этом плане интересно обратить внимание на рапорт красноярского земского исправника астраханскому гражданскому губернатору: «При исполнении мной в Красноярском уезде дел, имея о неблагонамеренном предприятии киргиз-кайсаками к захвату российских людей или скота, не оставил я по долгу своему войти в подробнейшее расследование сего обстоятельства, не только лично сам, где только нужно было, но даже имел случай и самим Букеем – султаном разговор чинить. И хотя, по довольном осведомлении моем, и было прежде на подвластных его, Букея, киргиз – кайсаков от других таковых же народов неблагонамерение в рассуждении захвата небольшом числе составляющая скота, однако, после таковое покушение их прекратилось, и с того времени продолжается тишина и спокойствие и никакой опасности не предвидится» [7, Л3]. Представители империи подчеркивают уменьшение агрессии со стороны казахов после вхождения в состав России.

Фронтир в XIX в. – это некая символическая линия временного разлома. По одну сторону от нее располагаются люди настоящего (русские, наделенные всеми чертами цивилизованного народа), то по другую сторону живут казахи, символизирующие прошлое (дикость, варварство и т.д.). На фронтире прошлое и настоящее тесно переплетаются, формируя свой временный континуум, где выскристаллизуется будущее [16, с. 39]. Алексей Николаевич Харузин, посещавший несколько раз Букеевскую орду, с иронией заметил: «Ханская Ставка есть нечто особенное, – это не губернский и не уездный город, но ведь киргизская степь и не губерния, и не уезд. Но Ханская Ставка и не поселок, и не посад, и не село, и не деревня, потому что у нее свой полицеймейстер, есть «Совет» с «председателем» и двумя «советниками». Одним словом, Ханская Ставка есть нечто само по себе» [15, с. 15].

С точки зрения фронта, Букеевская Орда – это территория, где формируется иное мышление. Для американских ученых фронтир – это место, где образовалась

¹ В прошлом в русской этнической терминологии существовала путаница в употреблении понятия «казак» (казах) и «киргиз»; казахов с начала с XVIII в. именовали «киргиз-кайсаками», в последствии «киргиз-казаками» или, чаще «киргизами».

будущая Америка, Дикий Запад, с легкостью встречавший технические новинки, где процесс формирования городов принимал резкие формы по сравнению со степным Востоком. И правда, задумаемся, чем же являлась Букеевская Орда для Российской империи? По сути, Букеевская Орда – это новое этнополитическое образование, на которое российская власть возлагала большие надежды. Самодержавие рассчитывало превратить его в перспективную модель образцового устройства кочевников внутри империи и использовать лояльную к императорскому престолу правящую верхушку казахских переселенцев в качестве надежного ретранслятора своих политических интересов среди казахского населения [11, с. 7]. Очень тонко по этому поводу отметил Алексей Николаевич Харузин в своем известном труде «Киргизы Букеевской орды (Атрополого – этнологический очерк): «Переход части населения киргизской орды по ту сторону Урала есть факт заслуживающий большего внимания, чем это может показаться при первом взгляде на дело. Несколько десятков тысяч киргизов, беспокоивших наше правительство в продолжение многих лет, были отделены от обширного киргизского племени, а впоследствии закрывшейся казацкой уральской линией, окончательно отрезаны. Эта группа киргизов, образовавшая, так называемую, Меньшую, Внутреннюю или Букеевскую орду, потеряла всякую связь со своими соплеменниками, утратила многое из своего оригинального быта, ослабла, если так можно выразиться, нравственно, потеряла под собою национальную почву. В киргиз – букеевце мы лишь отчасти узнаем его средне – азиатского соплеменника. Это племя значительно ушло от своих зауральских собратьев по цивилизации (в хорошем и дурном смысле)» [14, с. 19–20]. Таким образом, дореволюционный ученый подчеркивал исключительность казаха Букеевской орды по сравнению с другими представителями народа. «Киргизы Внутренней орды разнятся от зауральских киргизов тем, что будучи отовсюду окружены русскими, более ознакомились с нашей гражданственностью и утратили буйную воинственность своих «заречных» соплеменников» [14, с. 20].

Темпоральность фронта показывает динамику взглядов русского населения на казахов, заселившихся на территории Нижнего Поволжья. На протяжении всего XIX – начало XX вв. идет трансформация образа казаха – от агрессивного варвара до послушного подданного Российской империи.

Третья характеристика – экономика не требует особых пояснений, ведь с этой точки зрения все понятно. Казахи обладают природными ресурсами, русские – технологическими новинками и другими благами цивилизации. На фронтире открываются для всех новые возможности. Если мы посмотрим на Сводный статистический отчет о состоянии Внутренней Киргизской Орды за 1898 г., то перед нами предстанет любопытная картина. «Повторяющиеся время от времени в неурожайные годы и суровые зимы падежи скота разоряли киргиз. Необходимо было принять меры для поддержки их хозяйства. В этих видах была учреждена судебная касса, при Временном совете и образованы общественные сенные запасы. Ссуда выдается нуждающимся скотовладельцам на известный срок из 6 %, сообразно хозяйству каждого» [10, л. 12]. Но и на этом Временный совет не остановился, он предложил казахскому обществу образовать добровольные общественные склады сена в каждой части орды. Как отмечается в отчете: «Этою мерою, в связи с выдачею суд, Временный совет имел возможность предупредить падеж скота» [10, л. 13]. Кроме этого, Временный совет обратил внимание на то, что «непривычные к земледельческому труду, киргизы охотно сдают земли для распашки русским крестьянам из половины, или за плату, при чем нередко делают захваты общественных земель» [10, л. 15]. Все перечисленное выше, указывает на влияние русских и казахов на экономическую составляющую фронта Нижнего Поволжья.

Завершающий характеристику Чужого на фронтире является модус вивенди. Образ жителя фронта – это Чужой, Иной. Истории Букеевского ханства посвящена об-

ширная литература. В этих публикациях нашли отражение непосредственные наблюдения и личные впечатления очевидцев о Внутренней Орде, ее природе и населении, даны этнографические зарисовки внешнего облика и домашнего быта правящей элиты ханства. Каждая работа индивидуальна, и носит отпечаток своего создателя. Но все труды дореволюционных ученых – этнографов имеют общую концепцию о миссии русского человека, принесшего цивилизацию в дикие степи (русский вариант «бремени белого человека»). Ученые, воспитанные на классических понятиях европейской истории, в традициях европейской культуры, рассматривали кочевой народ как дикарей, которых нужно просвещать и приобщать к цивилизации. Наглядным примером может служить размышления Алексея Ираклиевича Левшина о нравах казахского общества: «Если бы Руссо прожил несколько месяцев в казахских ордах, если бы он узнал народ сей, по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека, то может быть, мы бы не читали бы ни его рассуждений о неравенстве людей и вреде наук» [12, с. 320]. Алексей Ираклиевич Левшин, прозванный «Геродотом казахского народа» задается вопросом: «Народ, о котором мы говорим, конечно, не состоит из антропофагов, или каннибалов, не приносит в жертву подобных себе, не находит в забавы в убийстве или травле их зверями и даже имеет свои добрые качества. Но какой европеец захочет обратиться в его состояние?» [12, с. 321]. Казахи в трудах исследователей воспринимаются максимально чужими, для них они – дикари. И даже в начале XX в. мы видим ту же картину. Обратимся к учебнику «География Российской империи (курс городских и уездных училищ): «киргизы народ крайне ленивый и беспечный; бездельность составляет для киргиза верх блаженства и славы. Вместе с леностью у киргизов развиты корыстолюбие и мстительность. Храбростью киргизы тоже не отличаются: они любят нападать из засады, втихомолку; удалство по их понятиям состоит в том, чтобы напасть хищнически и угнать чужих лошадей» [1, с. 119].

На протяжении XIX – начала XX вв. в Российской империи происходит трансформация взглядов русского населения на казахов. Если в первые годы после присоединения Букеевской Орды к России мы встречаем многочисленные сведения об агрессивных дикарях, то впоследствии данные смягчаются. Современники начинают обращать внимание на изменение менталитета казахского народа и о благоприятном воздействии России на их культуру и быт. Анализируя казахов с точки зрения «Чужого и Другого» на территории Нижнего Поволжья, мы позволяем более глубоко изучить фронтир. Ведь фронтир – это всегда встреча с Другим, процесс культурного взаимодействия цивилизационного субъекта с Чужим.

Список литературы

1. Баранов А. География Российской империи (курс городских и уездных училищ) / А. Баранов. – Москва : Издание наследников автора, 1916
2. Государственный архив Астраханской области (ГА АО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 460.
3. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 2 – Д. 1944.
4. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2238.
5. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2525.
6. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2685.
7. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2668.
8. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 4161.
9. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 4602.
10. ГААО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 620.
11. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. : сборник документов и материалов / сост. : Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002.
12. Левшин И. А. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М. К. Козыбаева). – Алматы : Санат, 1996
13. Леопольдов А. Отношение русских к киргизам / А. Леопольдов // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. – № 5.

14. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк) / А. Н. Харузин. – Москва, 1888. – Выпуск 1.
15. Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги / А. Н. Харузин. – Москва, 1888
16. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире / О.С. Якушенкова. – Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2012

References

1. Baranov A. *Geografiya Rossiyskoy imperii (kurs gorodskikh i uezdnykh uchilishch)* [Geography of the Russian Empire (Course city and county schools)], Moscow, Izdanie naslednikov avtora Publ., 1916.
2. State Archives of the Astrakhan region (SA AR). F. 1, op. 1, t. 1, d. 460.
3. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 1944.
4. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2238.
5. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2525.
6. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2685.
7. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2668.
8. SA AR. F. 1, op. 1, t. 3, d. 4161.
9. SA AR. F. 1, op. 1, t. 3, d. 4602.
10. SA AR. F. 1, op. 32, t. 3, d. 620.
11. Zhanaev B.T., Inochkin V. A., Sagnaeva S. Kh. *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801–1852 gg.* [History of the Bukeev Khanate. 1801–1852], Almaty, Dayk-Press Publ., 2002.
12. Levshin I. A. *Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description Kirghiz Cossack or Kirghiz Kaisak, hordes and steppes], Almaty, Sanat Publ., 1996.
13. Leopoldov A. *Otnoshenie russkikh k kirgizam* [Relation to the Kyrgyz Russian]. *Samarskie gubernskie vedomosti. Chast neofitsialnaya* [Samara Provincial Gazette. Part informal], 1852, no. 5.
14. Kharuzin A. N. *Kirgizy Bukeevskoy ordy* [Kirghiz hordes], Moscow, 1888, issue 1.
15. Kharuzin A. N. *Stepnye ocherki (Kirgizskaya Bukeevskaya Orda). Stranichki iz zapisnoy knigi* [Steppe essays (Kyrgyz Bukeyev Horde). Pages from the phonebook], Moscow, 1888.
16. Yakushenkova O. S. *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American frontier], Astrakhan, Sorokin Roman Vasilevich Publ., 2012.

ФЕНОМЕН МИФА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Куняшова Светлана Владимировна, заместитель директора по развитию

Астраханский музей-заповедник
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Советская, 15
E-mail: svet.3107@mail.ru

В статье дан философско-культурологический анализ проблемы феноменальности мифа и его динамики. Миф исследуется в контексте его соотношения с массовым сознанием, психикой человека, культурным и социальным развитием. Авторский взгляд отражен в необходимости междисциплинарного анализа мифа, учете историко-культурных и современных условий его актуализации (ремифологизации) как сложного ментально-психологического феномена.

Ключевые слова: миф, ремифологизация, глобализация, массовое сознание, культура

THE PHENOMENON OF MYTH AND MODERNITY: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Kunyashova Svetlana V., Deputy Director of Development

Astrakhan Memorial Estate
15 Sovetskaya st., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: svet.3107@mail.ru